

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6
Д60

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Автор выражает признательность тем поклонникам «Машины времени», которые сочли возможным поделиться сохранившимися фотографиями, и особо благодарит официального фотографа группы Маргариту Шол и Марианну Ефремову, предоставившую свой уникальный фотоархив для данного издания.

Додолев Евгений Ю.

Д60 «Машина времени». История группы. Юбилейное издание / Евгений Ю. Додолев. — Москва: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2019. — 336 с.: ил. — (Легенды русского рока)

ISBN 978-5-17-109333-4

Выход книги приурочен к полувековому юбилею «Машины времени». О легендарной группе рассказывают сами «машинисты», их жены, а также друзья-соратники, такие как Александр Градский, Владимир Матецкий и другие. Помимо Андрея Макаревича и его коллег-музыкантов, персонифицирующих легендарную рок-команду на протяжении последних 50 лет, здесь представлены фигуранты, широкой публике неизвестные, но сыгравшие значительную роль в истории коллектива.

ISBN 978-5-17-109333-4

© Евгений Ю. Додолев, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

За 50 лет жизни про «Машину времени» было много чего написано — и хорошего, и, так сказать, разного. И довольно долго я, который еще помнит, как все было на самом деле, страшно по этому поводу переживал: рвался спорить, пытался исправлять — в общем, бился за правду. Пока не сказал себе — Андрюша, успокойся. Не бросайся на ветряные мельницы. Любая история (к сожалению, не к сожалению — другой вопрос) — это не то, как все было в реальности, а то, как эти события описывают люди. А люди разные, поэтому у них разные вкусы, амбиции, разное отношение к данным событиям. Поэтому, излагая их ход каждый по-своему, они, не желая того, рассказывают и о себе. Но это же интересно! А правда — какая такая правда? Она, как выясняется, у каждого своя.

За скобки выношу своего старого товарища Женю Додолева, который собрал все это под одну обложку и соединил своим текстом, за что ему большое спасибо.

Андрей Макаревич

*Один утверждал: «На пути нашем чисто»,
Другой возражал: «Не до жиру».
Один говорил, мол, мы — машинисты,
Другой говорил: «Пассажиры».*

Андрей Макаревич, «Вагонные споры»

ОТ АВТОРА

Это не книга и не учебник по истории «Машины времени». Желающие могут сами познакомиться с мемуарами Капитановского, Макаревича, Подгородецкого (не обязательно в алфавитном порядке), осмыслить прочитанное, разделить на шестнадцать, составив некий виртуальный учебник. Под этой обложкой — лишь некие факультативные наброски, достаточно пристрастные, поскольку состоят, главным образом из высказываний персонажей, так или иначе заинтересованных.

И, конечно, здесь именно про «Машину», но не про музыку. Потому что писать про музыку должны профессиональные музыковеды, иначе книга будет выглядеть, как газетная рецензия на альбом. Известно, что у нас нет профессиональных ТВ-критиков: о телевидении пишут люди, которым доверили корреспондирующие рубрики в изданиях, при этом ни понятия о форматах, ни элементарного знания истории телеиндустрии у них нет. Говорят, и с театральной критикой аналогично. Да и киноведение оставляет желать лучшего. Однако, если верить Градскому, у нас есть профи, разбирающиеся в нотосложении и умеющие отличать бау от баяна, а домбру от домры. Им и флаг в руки..

Здесь же — пути музыкантов-патриархов и полувековая стезя их славного коллектива; траектории творческие и бытовые, но без музыковедческих нюансов, в коих дилетантам разбираться не с руки.

Но есть два момента.

В издании не уделено достаточно места общественно-политическим экзерсисам музыкантов группы, в частности такому, как #крымнаш (за исключением нескольких пассажей Юрия Борзова и Сергея Рыженко). И не только потому, что отношение автора и объектов повествования к этому хэштегу не совпадают. Да, я не разделяю радикального антипутинизма Александра Кутикова. И даже более умеренная, но при этом достаточно воинственная позиция Андрея Макаревича, сочиняющего песни про «крыс» и «глистов» кажется мне не вполне уместной в нынешнем геополитическом контексте. Но дело еще и в переосмыслении собственного репортерского вклада в то, что представлялось мне разрушением грозной административно-командной системы брежневского образца, а, по сути, явилось весьма весомым взносом в дело передачи власти запре-

дельно циничным чекистам и функционерам ВЛКСМ образца Фридмана и Ходороковского.

И второй, сопряженный с вышеозначенным аспектом нюанс — сакраментальный «еврейский вопрос». С одной стороны, непрофессионально игнорировать столь живописные эпизоды, как взятка размером в пять рублей, данная работнику паспортного стола юным Сашей Кутиковым за то, чтобы в пресловутом пятом пункте паспортины слово «еврей» было написано с заглавной буквы. С другой стороны, аналогичные моменты настолько ярко и детально описаны Петром Подгородецким в его мемуарах 2007 года «„Машина“ с евреями», что мне не стоит этого делать — нелепо лезть со свиным рылом в кошерный (зачеркнуто) калашный ряд. Да и в «рассказиках» самого Макаревича блестяще описаны многие забавные эпизоды, дублировать кои в пересказе эфирных собеседников просто не к чему.

«Машинист» (не суть важно, кто) на очередную просьбу прокомментировать достаточно жесткую реплику одного из спикеров данной рукописи, отослал меня именно к мемуарам самих музыкантов, заметив: «События эти происходили все-таки со мной, а не с имярек, так что если есть желание не выглядеть идиотом, давай расставим приоритеты, впрочем, дело твое, хочешь выставить имярек мудаком — выставляй».

Но ведь если этот самый имярек, будучи авторитетным и заслуженным деятелем культуры и мастодонтом отечественного бизнеса, за свою долгую и лихую жизнь давший сотни интервью, беседуя с журналистом, счит нужным по-своему трактовать те или иные факты, если он напугал (как в описываемой ситуации) не только мотивацию поступков своих коллег, но и хронологию, мудаком все-таки выглядит не интервьюер. (Впрочем, не буду же я спорить — ничто так не бесит фанатскую аудиторию, как попытки полемизировать с их кумиром. Иногда лучше принять к сведению, а не ловить собеседника на нестыковках.) Не говоря уже о том, что десятилетия репортерской практики приучили меня ценить так называемое «второе мнение» (second opinion).

Вернусь к этому тезису в КОДЕ.

Как бы то ни было, здесь нет сакраментального инсайда и взрывных сенсаций, ничего «бомбического» и/или экстравагантного.

«Кто более

матери-истории ценен?»

Перефразируя Маяковского, можно утверждать: говорим «Машина времени», подразумеваем «Макаревич», произносим «Макаревич» — подразумеваем «партия» (зачеркнуто) «Машина времени».

С одной стороны, так и есть. С другой, самые обсуждаемые скандалы последних лет имеют при всем при этом непосредственно к самой «МВ»¹ так себе отношение. Конфликт «Лимонов Vs Макаревич» 2014 года или тяжба лидера группы с Александром Прохановым в 2015 — конечно, темы

¹ «Машина времени» (Здесь и далее по тексту — *примеч. ред.*)

благодарные в смысле резонанса, но, по мне, не для этой, юбилейной, рукописи.

Да, «Машине» в 2019 году — 50 лет. А в 2023 Андрею «Макару» Макаревичу 70 лет, и если кто-то замахнется на томик в серии «ЖЗЛ», непременно вспомнит эти дразги из серии «оба хуже»; я же на своем веку наразоблачался, и мне интересно было просто поговорить «за жизнь» с теми, кто для моего поколения был и остается «ЛЕГЕНДОЙ».

Это не значит, что у меня нет своего мнения; просто я им слишком дорожу.

Допустим, я убежден, что, по большому счету, Державина слили из коллектива из-за его «крымнашизма», хотя ни с одним из Андреев я эту тему не обсуждал, а экс-клавишник «МВ» еще в 2013 году говорил мне, что намерен свой «Сталкер» возродить. Тем не менее, есть ощущения.

Или, допустим, уход Маргулиса. Мне стукнули, что Евгений предложил коллегам воспользоваться предложением спонсоров — грянуть «Прощальный тур», а лидер не пожелал дразнить публику лже-уходом. И два великих «машиниста» разошлись. Андрей эту версию в нашей беседе отрицал категорически.

Впрочем, как там у Высоцкого? «Я ненавижу сплетни в виде версий».

Поэтому, повторяю, сенсаций под этой обложкой НЕТ, НЕТ и НЕТ, как и в природе «молодой шпаны, что сотрет нас с лица земли» (© БГ)!

И никакой концепции в данном издании опять же нет.

Как и драматургии, собственно.

Однако, есть структура, «простая, как колумбово яйцо» (© «АВМ»¹): книга состоит из трех очень разных (идейно-стилистически) разделов.

В первом я собрал интервью с музыкантами «МВ» (действующими и бывшими), записанные за последние пять лет в рамках моих авторских проектов «Правда 24» (канал «Москва 24») и «МимоНот» (радио Mediametrics). И здесь уже зарыта толстая собака необъективности, поскольку в этой фундаментальной части повествования не представлены (по, увы, вполне объективным причинам) некоторые ключевые — в моей системе координат — фигуранты.

В 2008 году ушел в лучший из миров один из основателей «МВ» Сергей «Японец» Кавагое. В этом же году в Ивановской области убили Александра «Полковника» Зайцева. В 2012 году не стало Максима «Макса» Капитановского.

Не смог я заполучить в качестве собеседника Валерия Ефремова, который как будто дал обет молчания; хотя кое-какой дефицит информации восполнила его супруга — Марианна Ефремова, с которой мы знакомы с начала 80-х гг. У Петра Подгородецкого я, как мне сдается, в «черном списке»: не откликнулся он ни разу. Предположу, что предыдущая моя работа «Времени машины», вышедшая пять лет назад, показалась Петру Ивановичу необъективной (его не было на обложке).

¹ Андрей Вадимович Макаревич.

Второй раздел: летописание коллектива, в котором представлены события, быть может, вовсе не знаковые для музыкантов и фанатов, но мне памятные по тем или иным причинам.

Третий раздел: высказывания экспертов. Как бесспорных музыкальных авторитетов — Александра Борисовича Градского и Владимира Леонардовича Матецкого, — так и тех, чье мнение интересно было прежде всего лично мне.

И завершает все это дело КОДА, где я попытался зашифровать свое журналистское кредо и резоны, по которым взялся за эти записки.

У всех у нас есть прошлое. И мы его помним. Но каждый — свое. И только собрав воедино воспоминания, можно попытаться воссоздать историю такой, какой она была. Поэтому предлагаемая читателям вещь — не более чем попытка посмотреть на пройденный путь глазами пока живых.

Последний аккорд книги — ПОСЛЕСЛОВИЕ, которое я заказал по давней дружбе Игорю Воеводину.

РАЗДЕЛ НОМЕР РАЗ.

«МАШИНИСТЫ», ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Итак, еще раз: в этом разделе собраны беседы с «машинистами» за последние несколько лет. На всякий случай: расположены материалы не по значимости персонажей, а по, условно говоря, эксклюзивности.

Мои эмоции всегда при мне, и я считаю нужным продемонстрировать их только если стандартный инструментарий интервьюера не срабатывает. Думаете, если человек — ваш единомышленник, надо его подавать публике «в лучшем виде»? Но как же журналистская честность? И почему провокационный вопрос обязательно должен пойти в минус человеку? Собеседника провоцирую, чтобы он не «спал» на интервью и не отделялся банальностями. Провоцируя, часто помогаешь своему визави — зритель ценит искренность и непосредственность.

Поскольку Валерий Ефремов, повторяю, крайне неохотно дает интервью, в этом разделе его место (не за ударной установкой, но в рукописи) заняла жена Марианна «Марьяша» Ефремова, которая не только поделилась со мной уникальным личным фотоархивом, но напомнила значимые вехи их общей (с «Машиной времени») биографией.

БОРЗОВ ЮРИЙ. ИНТЕРВЬЮ 2018 ГОДА

Одноклассник Андрея Макаревича и первый барабанщик «Машины времени» Юрий БОРЗОВ добровольно отказался от звания сооснователя группы. Он сам ушел из команды через три года после ее создания, позднее играл в группе «Ребята, Которые Начинают Играть, Когда Полосатый Гиппопотам Пересекает Реку Замбези» Алексея Романова. Сейчас занимается живописью и... лошадьми. Интервью не дает из принципа.

На излете осени 2018 года я не без труда уговорил экс-«машиниста» приехать домой к Александру Липницкому (беседа с которым ниже — в «экспертном» разделе); Саша работал над фильмом к юбилею «МВ» и мы решили одним выстрелом убить редкого зайца. Пили черный чай, ели белый зефир, и вечер прошел незаметно. Фрагмент этого разговора Липницкий включил в свою ТВ-работу, кое-какие мелочи я обнаружил в газетах, ну а полностью это интервью выходит здесь.

Специально не стал пометать, какие именно вопросы задавал Александр Давидович, какие — я: значение, по мне, имеют только скупые, но от этого не менее ценные ответы нашего «дефицитного» собеседника.

— С кем-то из той поры, из школьной, отношения поддерживаешь, Юрий?

*«У Макаревича были две девочки.
Они пели песни протеста на английском языке»*

— Да нет, не поддерживаю, не сложилось.

— Не были близки с теми, с кем в школе начинали музыкой заниматься: Лариса Кашперко, Евгений Прохоров, Михаил Яшин...

— Женя Прохоров давно погиб...

С одноклассниками я не общаюсь и на встречи не хожу. Я случайно как-то раз попал, подумал, что это пришли учительницы, меня это напугало...

— Да, тетki сильно меняются...

— Но я понимаю, что и дядьки тоже меняются, но как-то... В голове остаются какие-то образы юных девушек, воспоминания, а тут какие-то бабушки. Это тяжело и ни к чему.

А зачем? Встречаться нужно с людьми, с которыми интересно, а не потому, что ты с ними жил рядом или ходил в одну школу.

— Ну, интересно посмотреть, что стало с человеком.

— Вот я посмотрел, мне не понравилось. Изменения никого не красят. Редко кто хорошеет с годами.

— А с Андреем Вадимовичем Макаревичем когда в последний раз виделись?

— Он ко мне приезжал до моей выставки или после выставки (август 2018 года, галерея «Роза Азора» — Е.Д.), туда, в мое хозяйство. Сидел на лошади, между прочим.

— Макаревич на лошади — это сильно.

— Да, там мы втроем. Он выложил это у себя в Фэйсбуке, назвал «Три богатыря»...

— А третий кто?
— Бродский Саша, архитектор.
— А ты в МАРХИ поступал с Андреем одновременно?
— Нет, нет, он поступил в архитектурный, я — в авиационный.
— В авиационный — по папиным стопам? Никак не связано?
— Ну, да, естественно, конечно. Конечно, связано. У меня и старшая сестра авиационный закончила, направленность такая была.
— Хорошо, МАРХИ всплыло почему?
— А МАРХИ всплыло случайно. Я год проучился в авиационном и взял академотпуск, потому что не тянул.

И Макаревич мне сказал: «Чего ты маешься? Ты прекрасно рисуешь, давай мы тебя поднатаскаем немножко сейчас, и сдавай экзамены к нам, поступай».

И стали все меня учить там. Подружки, друзья Макара. И как-то вошел в комнату Вадим Григорьевича, отец Макаревича, посмотрел на все это занятие и сказал: «Пошли все вон отсюда, я буду сам заниматься». И меня за два месяца, даже меньше, где-то месяца за полтора натаскал по рисунку, я сдал экзамены... Ну, остальные — физика, математика — там были для меня, как семечки.

— Хорошо в школе учился?

— Я год проучился в авиационном. После этого там сдать физику и математику — пустяк.

— А с Макаревичем в школе сошлись исключительно на теме музыкальной или дружили до этого?

— Нет, как-то мы сошлись еще до музыки. По книжкам, по рисунку... Даже Рэй Брэдбери был раньше.

Я пришел в их школу в классе в 6-ом или 7-ом...

— Но вы одноклассниками были?

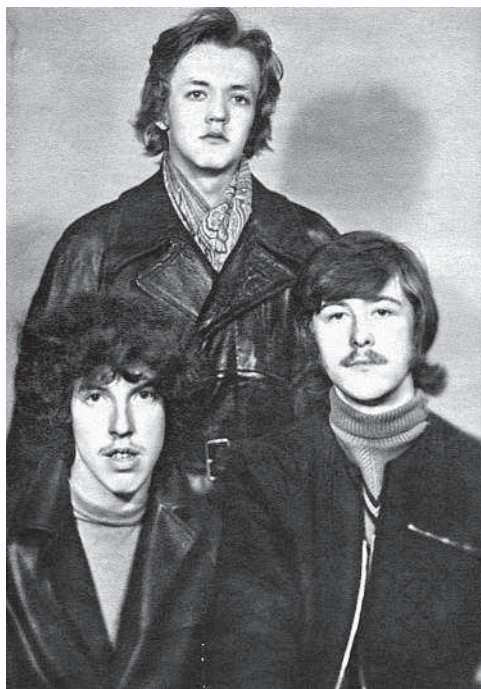
— Да, я попал к нему в класс. Но я пришел из простой школы, а у них была английская, спец. В английской спецшколе английский с первого класса, а в обычной с пятого. У меня уровень был: «йес, ит из» и «май нейм из».

— Кто тебя подтягивал по языку?

— Наняли репетитора. Я быстро очень подтянул. Это как-то легко было.

— А рисовать?

— На уроке, когда сидел, слушал учителя, рука сама чего-нибудь рисовала. Кто-то через плечо заглянул: «О, здорово. А Ленина

*Андрей Макаревич, Юрий Борзов,
Александр Кутиков*

можешь?» — «Могу и Ленина». Ну и так далее. И пошло. Макар хорошо рисовал, и я хорошо рисовал.

— А когда возникла музыка? И почему именно барабаны?

— Вот этого я точно не помню... Я помню такие картинки, как вышел фильм «Вертикаль». Это первые песни Высоцкого, которые с экрана прозвучали.

— Это 1967 год, уже и «Битлы» во всю были?

— «Битлы» были, ну и ладно, фиг с ними, с «Битлами».

— Это от «машиниста» интересно такое услышать!

— За это можно все отдать, да?

Первый раз я увидел, как Андрей играет на гитаре песни Высоцкого, ну, 3-4 аккорда. То есть уровень игры был такой, они вдвоем с Мишкой Яшиным исполняли эти песни.

— Где это было? У кого-то дома?

— Нет, это было в школе, в классе, учителя слушали...

— А что именно исполняли?

— «Лучше гор могут быть только горы» и «Если друг оказался вдруг»...

Ну, еще какие-то песни из Окуджавы.

— То есть музыкой в детстве не доводилось заниматься? Скрипочка, фортепиано?

— Фортепиано, конечно!

— Что значит «конечно»?

— Кого из детей не мучили фортепиано?

— Дома был инструмент?

— Был. У меня мама была певица. В «Москонцерте».

Сначала в «Ленконцерте»... В блокаду ездила по фронту с концертами. Может, поэтому и выжили. Потому что все-таки на фронте кормили артистов.

— Так почему за барабанами оказался Борзов в результате?

— В результате идея группы, она в воздухе витала, но... У Макаревича были две девочки. Они пели песни протеста на английском языке, We Shall Overcome и прочие — и это уже совсем близко к «Битлз».

— Пели-то хорошо?

— Не берусь судить сейчас.

— Но красивые были?

— Девчонки были красивые.

Наверное, кто-то в кого-то влюблялся, конечно, увлекался. Но я помню, что Андрей расставался с ними болезненно.

— Он расставался с ними тандемом, с обеими сразу? Почему?

— Да, потому что появились «битлы», у «битлов» вокалисток не было, и это решало все! Должно быть 4 мужика... Поскольку я ни на чем играть не умел, я мог отстукивать ритм.

— Как не на чем? А на фортепиано?

— Да на фортепиано я благополучно там позанимался немножко и забыл, это все выветрилось легко и безболезненно.

— Значит, девушки испарились, кто тогда взял на себя трудную миссию вокалиста? Андрей Макаревич? Кавагое не было тогда еще?

— Нет, он был уже... Сергей был моим другом детства. Мы с ним дружили с вот таких вот лет.

Познакомились с ним в деревне в лесу.

Его вывозили на лето в деревню. И меня тоже.

Это было под Солнечногорском.

— В лесу грибы собирали?

— Нет, по-моему, мы охотились. На воробьев, дроздов. Были духовушки. Сначала у меня, потом ему тоже отец купил.

— Он учился в соседней школе, Кавагое?

— Ну, она не совсем соседняя, она по номеру соседняя, у нас 19, у него 20.

Так она где-то в районе Ленинского проспекта, а наша была прямо напротив Кремля сначала.

— А, кстати, знакомство Кавагое с Макаревичем помнится? Как произошло? Уже выпивали тогда?

— Нет, еще рано было.

Хотя выпивали, конечно. Но совсем немножко. Но там хватало...

— В книге «Затяжной поворот» Макаревич вспоминал всю эту ситуацию несколько иначе:

«По настоящему Японца девочки-певуны были уволены. Началась настоящая мужская работа. Сразу пошли разногласия. Наверно потому что Сереже не на чем было играть. Он ждал посылки от японских родственников — бас-гитару и усилитель. Японец с Борзовым настаивали на песнях Битлов, я же предлагал исполнять произведения менее известных авторов. Случился раскол. Мазай, Японец и Борзов создали другую команду в стенах 20-й школы, где, собственно, Японец и учился. Вскоре меня пригласили на репетицию в 20-ю школу. Команда Японца приобрела название «Дюрапонские паровики». Группа репетировала в актовом зале. Школа дрожала от звуков. На лицах ребят светилось наслаждение. Только Японец, игравший на органе, выглядел недовольным — он был убежден, что орган не битловский, и проклинал в душе японского родственника, спутавшего орган с бас-гитарой. По барабанам лупил идеолог группы хулиган Комарик. Я понял, что, несмотря на общий пафос, дела группы плохи. Через несколько дней Японец, Мазай и Борзов вернулись в «Машины». Через две недели мы записали свой первый альбом Time Machines».

А что первое, что начали играть «Машины»?

— Я помню, что мы от Дворца пионеров ездили в какое-то турне, по каким-то подмосковным городам и во Дворцах культуры исполняли эти

*Наташа Макаревич:
«Джинсовый костюм из «Березки»,
думаю, 1977–78 г.»*

свои несколько песенок протеста, это были еще две девочки, Макаревич играл на гитаре, а у меня уже было два барабана. Басиста еще не было.

Перед какими-то даже неграми играли.

— Как неполиткорректно.

— Да у нас слово «негр» нормально звучит и никогда ругательным не было!

— В той же книге «Затяжной поворот» Андрей Вадимович вспоминает:

«Песни исполняются на английском языке. В этом составе была сделана самая первая магнитофонная запись, из одиннадцати англоязычных песен, написанных участниками группы. На концертах группа исполняет кавер-версии песен The Beatles и свои песни на английском, написанные в подражание. У нас, вообще, случился ужасный конфликт в своем кругу, потому что ребята хотели играть битловские вещи, а я им объяснял, что это невозможно, ибо The Beatles слишком хорошо поют. А в нашем варианте это будет отвратительно. Надо играть “роллингов”, потому что они поют примерно как мы, и у нас выйдет более похоже. И “роллингов” или Monkees мы играли тогда значительно больше. Передовая информация долетала до нас в те годы, конечно, с опозданием. И “Вудсток-69” нам чуть позже достался, где-то в 1970–1971 гг. Его открыл нам Стас Намин. Мы слушали выступавших там артистов с утра до ночи, но к “битлам” все равно не остыли. Мы ими еще не наелись. Собственно, когда я услышал “Скоморохов”, то понял, что нужно писать песни на русском языке. Первые песни у меня вышли совершенно нелепые — лирические, печальные, мрачные, безысходные. Чудовищные были тексты, как я теперь понимаю».

Стало быть, пели на английском?

— Пели на английском. И вот тогда уже у Макаревича была тетрадка, где он на слух писал тексты битловских песен. А на слух, поскольку записи были ужасные, переписанные по 10 раз с одного магнитофона на другой, то есть это была полная белиберда. Ну, лишь бы было похоже по звучанию.

Вообще я должен сказать, это удивительно, но мы никогда не вдумывались в тексты битловских песен. Вот что там значат эти слова — вообще не занимало. Абсолютно. И, Слава Богу, может быть, потому что там слова, особенно ранних битловских песен, это, в общем, попсытинка. Если вспомнить... Да и все это «бейби, бейби, лав ми, бейби»...

Потом вышел «Сержант Пеппер». И мы писали с одного магнитофона на другой, причем иногда через микрофон — вот ставили, магнитофон «Яуза», тут ставили микрофон, у Макаревича был «Грюндиг»... Пищальный. В смысле звука. Да вот, маленький такой транзистор.

— Альбом «битловский» откуда появился? У Кавагое?

— Нет, альбом привез муж старшей сестры, каким-то образом он денька на три у кого-то взял. Принес его домой, и помню, что я его послушал вечер... И как-то вообще... «Да это не “Битлы”! Что это, что это вообще такое? Это какая-то фигня!» Там какие-то дудки звучат, оркестры какие-то... Нету этого привычного, что запоминается с первого раза. Я как-то разочаровался ужасно! Но ночью у меня все это проварилось в голове, я пришел в школу, и Макар ко мне бросился: «Ну, как?». Он знал, что я ночью буду слушать... И я ему сказал: «Слушай, это что-

то потрясающее! Это вообще ни на что не похоже». Ну, наступило некоторое проникновение.

А сперва... Как правило, это мелодия, которая цепляет с первого раза, а это... Дребедень. Ну, по этому принципу попсовые песни пишутся...

— А когда сами стали писать?

— Да Макаревич писать стал очень давно и тоже сначала на английском языке.

— То есть он писал сразу и тексты, и музыку?

— Сразу песню, конечно!

— У тебя не было желания сочинять?

— Нет. Как-то у меня, может, желание и было, но не получалось. А потом меня никто не научил играть на гитаре. Никто! Вот собаки, все сами играли, а меня никто не научил.

Мне это казалось как-то недостижимым. Это потом я понял, что есть несколько аккордов, вот на них поются все песни. А до этого мне никто не объяснил. Мне казалось, что это какое-то особое искусство, зажимать вот эти струны в нужных местах. Я даже не пытался этого постичь. Не знаю, почему.

— Название откуда появилось? Почему Time Machines?

— Название придумывали все.

— Ааа, то есть это легенда, что Борзов придумал?

— Это был мой вариант. Каждый пытался придумать название.

— А какие были варианты еще? И все на английском исключительно?

— Ну, не совсем, хотелось, чтобы они звучали и на русском, и на английском. Я помню, что я предложил два варианта: «Машины времени» или «Летающие тарелки». Все во множественном числе, так полагалось.

— Это оба названия из сферы научной фантастики? То есть было увлечение...

— Ну, что-то вроде, да.

Я и сейчас думаю, что достаточно дурацкое название...

— Где происходил этот брейнсторм?

— Да везде это происходило. Днем встречались и говорили: «Я вот думаю, вот так, а я вот придумал такое». — «Нет... Это не звучит».

— А идеи накидывали только Борзов и Макаревич?

— Не помню, может еще кто-то накидывал.

— Там вообще много людей в какое-то время участвовали. Был и Шурик Иванов, и Паша Рубен, и Игорь Мазаев. Вообще людей, которые как-то близко были к «Машине времени», огромное количество.

— Как произошло утверждение названия?

— Помню, что Макаревич написал это название на большом барабане. Сам, конечно. Натянул на обод простынь и написал: «Машины времени!» По-русски.

И этот обод должен быть у него где-то, в каком-то музее. Потому что где-то на 30-летие «Машины времени» во Дворце спорта был концерт, и я тогда в гараже у себя нашел этот обод от барабана с этой надписью и ему принес, подарил.

— Все концерты были удачные?